

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Факультет русской филологии БГПУ им. М. Танка
Кафедра филологии ИСЗ

СИСТЕМА ИЛЛЮЗИЙ В ИСКУССТВЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

МИНСК 2003

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

а) герой-личности, преимущественно внутренне и незаметно для посторонних противостоящие «выморочной» внешней среде (историки этих персонажей – в самом Чехове, «по капле выдавливающим из себя раба» (по сути – раба «среды»);

б) герой-неличности, оказавшиеся неспособными (в силу слабости характера, лени, просто непонимания происходящего с ними и вокруг них и т.п.) противостоять внешним правилам бытия (по сути – «правилам быта»).

В героях-нелиностях у Чехова душевные переживания сразу или постепенно (по ходу развития сюжета) замирают, являются физиологическими деталями либо деталями «вещного мира».

Чеховский подтекст, многоуровневость, детали, позволяющие из повседневности, обыденности каждодневного существования персонажей-неличностей представить закономерности, определяющие бытие человека в «лодке муравейника», существующем по законам «природных инстинктов».

Эмоционально-психологическое восприятие читателем чеховских произведений смещается с традиционных сюжетных коллизий, сюжетного ряда в сторону погружения в настроения, ощущения, смещение душевных состояний героев. Импрессионизм, свойственный и Чехову, художнику, вырабатывает особую метафорическую образность, где точно воспроизведённый предмет одновременно символ, пробуждающий ассоциативное представление о другом предмете. Чехов часто использует присущую живописи пейзажную палитру, ориентируется на зрительное восприятие своих словесных образов.

Авторский голос у Чехова включается в речь повествователя и персонажа. Возникает присущая живописи импрессионизма «перебиха планов», «искажение перспектив».

Чехов предпочитает смотреть на мир без излишнего оптимизма, где не таким, каков он есть на самом деле.

Одна из форм существования чеховских героев-неличностей – самообман, основанный на сугубо рациональном, умозрительном понимании истины. Отбрасывая за ненадобностью сочувствие к ближнему (ибо это *усложняет жизнь*), такие персонажи превращают взаимоотношения с окружающими в абстрактное и тяжёлое исполнение *долга*, где не остаётся места чувствам.

Лида в чеховском «Доме с мезонином» (1896) – антипод Калерии Боборыкиной (см. *статьи о Боборыкине в данном сборнике*). Лида Волчанинова, «неизменно строгая девушка», перед которой робела мать и сестра, упивается своими добрыми поступками, скрыто наслаждается собственной опекой и над крестьянами, и над сестрой. Добро в её ру-

ках становится злом, ибо направлено не на помощь людям, а служит средством удовлетворения собственного эгоизма. Она с ходу отменяет всё, что не совпадает с её собственным пониманием пользы, рушит несмелые эмоциональные отношения художника и сестры.

Боборыкин восхищался добрыми делами своей героини, Чехов же опасается, как бы малая помощь страждущим не заслонила от русской интеллигенции само бедственное положение народа. Художник в расказе говорит: «По-моему, *медицинские пункты, школы, библиотеки, аптечки, при существующих условиях, служат только порабощению. Народ опутан цепью великой, и вы не рубите этой цепи, а лишь прибавляете новые звенья...*»

В творчестве Чехова человек оценивается в зависимости от наличия добрых чувств в его душе.

Объективное повествование, показ действительности через призму видения мира героем, внешняя бессобытийность, отсутствие явного, конкретного результата представленной истории – всё это мы находим у Чехова как проявление *типичных* свойств человеческого бытия.

Л. А. БЕССОНОВА

ВНИМАНИЕ К СЛОВУ, ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ ПОНИМАНИЯ (на материале произведений А. П. Чехова)

Каждый талантливый художник обладает своим творческим почерком. Не исключение и А.П. Чехов. Язык каждого рассказа Чехова неповторим. Даже наиболее чутким и эстетически подготовленным читателям язык его произведений показался вначале действительно загадочным и непонятным. «*Даже просто непонятно*, – писал Решин автору, прочитав «Палату № 6», – *как из такого простого, незатейливого, совсем даже бедного по содержанию рассказа вырастает в конце такая неотразимая, кокетливая идея человечества*».

Как отмечал Л. Толстой, «*Чехов пишет удивительно образно и по-настоящему, до мелочей ясно... точно без всякой вашей воли вкладывает вам в душу прекрасные художественные образы*»**.

В ранних юмористических рассказах современную жизнь А.П. Чехов описывает как нечто дикое, а хозяев этой жизни и людей, ею воспитанных, – похожими на животных. Самая большая известность среди этих человекоподобных животных Чехова выпала на долю хамелеона. Он стал символом эпохи, отмеченной чертами двоедушия, лжи, произвола.

Несколькими штрихами, без подробных описаний Чехов создавал «героев» своего времени, и перед читателями во весь рост вставали их колоритные фигуры: запуганный жизнью Червяков («Смерть чиновника») и уверенный в своей власти унтер Пришибеев («Унтер Пришибеев»), мелкий чиновник-подхалим из рассказа «Голый и тонкий» и околотошный надзиратель Очумелов («Хамелеон») и др. Самым выразительным художественным средством в этих произведениях была сама речь героев.

«Унтер Пришибеев» был написан в 1885 г. и имел заглавие «Сверштаный блоститель». Цензура запретила его, и он был вскоре опубликован под названием «Кляузник», но содержание сочинений в конце 1890-х гг. рассказ был включён под названием «Унтер Пришибеев». С изменением заглавия рассказа меняется и образ персонажа, ставшего признаком социально-психологического типа. Унтер-пришибеевщины: «И для него ясно, что мир изменился и что жить на свете уже никак невозможно. Мрачные, унылые мысли овладевают им. Но, выйдя из камеры и увидев мужиков, которые играют и говорят о чем-то, он по привычке, с которой уже совладал, полагает, вытягивает руки по швам и кричит хриплым, сердитым голосом:

- Народ, расходись! Не толпись! По домам!»

Обезличенность и угодность главного персонажа отражены уже в самом названии, а фамилия Пришибеев имеет два смысла: от одного корня образованы слова «пришибленный» (униженный, умственно и нравственно убогий) и «пришибать» (побить, повредить, убить).

Слова нужно понимать в том значении, в каком употребляет их автор. Иногда возникает иллюзия понимания — когда текст в целом ясен и смысл отдельных слов как бы вычитывается из контекста.

В рассказе А.П. Чехова «Попрыгунья» Ольга Ивановна так представляет своему обществу одного из гостей: «Василий Васильевич, барин, помещик, дилетант-иллюстратор...». Каково же значение слова «дилетант»? «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова даёт такое определение: «Дилетант — тот, кто занимается наукой или искусством без специальной профессиональной подготовки (обычно не обладавая глубокими знаниями)», «Карманный словарь-справочник» 1929 г. так объясняет значение этого слова: «Дилетант — любитель, не имеющий основательных знаний и подготовки в данной области». Со всем иным значение слова дилетант в «Толковом словаре живого великорусского языка» 1863-1866 гг.: «Дилетант — охотник, любитель, человек, занимающийся музыкой, искусством, художеством, не по промыслу, а по склонности, по охоте, для забавы». Таким образом, современные толкования слова «дилетант» имеют отрицательную окраску,

однако в контексте речи Ольги Ивановны это похвала: человек занимается искусством не ради денег, а для души, «по охоте».

В произведениях Чехова, как отмечал М. Горький, содержания гораздо больше, чем слов. Для усиления смысловой и эмоциональной насыщенности произведений автор использовал семантические оттенки, активизацию всех контекстуальных возможностей слова. Писатель умело выбирает самые ёмкие слова, которые, называя конкретное лицо, предмет или явление, одновременно строят, по выражению В.Б. Шкловского, модель мира. Так, «для того чтобы подчеркнуть бедность просительницы, не нужно говорить о ее жалком, несчастном виде, а следует только вскользь сказать, что она была в рыжей тальме»***.

В своих воспоминаниях о современниках К. Чуковский писал: «Чехову именно потому, что он был могучим хозяином слов, так властно подчинял их себе, было доступно труднейшее в литературе искусство: при помощи одной какой-нибудь единственной фразы создавать характеристику всего человека...» В рассказе «Который из трех» (1882) объективное описание поступков героини закончено словами, выражающими взгляд автора на описанные события: «Посидев немножго и успокоившись, Настя быстро разделась, и ровно в полночь дорожное пальто одело, с вышивками и вензелями, уже грело стящее, изредка вздрагивающее тело молодой, хорошенькой, развратной гадины...» Можно ли было предположить употребление в этом предложении именно просторечного слова «гадина»? Однако Чехов, ювелирно точно подобрав слова, смешав в одном предложении все характеристики образа главной героини, передаёт и свое отношение к ней с помощью значения данного слова и его стилистической коннотации. «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова так раскрывает семантику этого слова: «Гадина (прост., презр.) Человек, который вызывает к себе отвращение, презрение». Контекстуальное же употребление слова «гадина», его сочетание с определениями «молодая, хорошенькая, развратная» всесторонне раскрывает образ героини: это и возраст, и внешность, и низкий моральный уровень поведения.

В произведениях А.П. Чехова большинство слов играет активную стилистическую и смысловую роль, нет ни одного лишнего слова, ни одного ненужного стилистического элемента. Писатель сознательно использует некоторые слова, семантика которых вне контекста может быть совсем иной. Например, в повести «Степь» в речи Пантелея употребляется слово **доказчик**. Если исходить из словообразовательных особенностей этого слова, то его значение можно определить следующим образом: «Человек, который доказывает что-либо, подтвер-

ждает какими-либо доводами». Обратившись к контексту, мы понимаем, что значение данного просторечного слова раскрывается в самом предложении по-другому: «*Ежели, говорит, мы его в живых оставим, так он первый на нас докажет*», т.е. доносчик. Встречаются в произведениях Чехова и многозначные слова, для понимания которых необходим хотя бы ближайший контекст. Например, в рассказе «Месь» (1882): «*Девочка, сентиментальная кислятина, не уважила просьбы того, без которого рухнул бы этот дрянной сарай*». «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова так определяет значение этого слова: *Кислятина* (разг.) 1. Нечто очень кислое на вкус. 2. перен. Нудный, скучный и вялый человек (пренебр.). 3. пл. «облебенное в переносном значении в сочетании со словом «сентиментальная», слово «кислятина» очень точно и лаконично характеризует образ героини.

Иногда о значении слов задумываются сами герои произведений А.П. Чехова. Так, в рассказе «Новая дача» кузнец Кузнецов, он переосмысливает литературные, непонятные для него слова «*презирать*» и «*платить тою же монетою*»: «*Монетой, не монетой, а уже по гривеннику с друга надо платил*». «*Презирать будем*», - *при всех обещал. На старости и ... оно бы ничего*». В современном русском языке слово «*презирать*» в значении «ухаживать за детьми, старыми людьми» не употребляется.

Подход А.П. Чехова к отбору языковых средств, их расположен. ч.о в контексте и использованию в создании образов и раскрытий художественной идеи и авторской позиции определяется прежде всего тем, что каждая языковая единица поворачивается той гранью, которая наиболее важна и способна ярко и интенсивно проявиться в данном микроконтексте и тексте всего произведения в целом.

Искусство слова имеет свои специфические законы, свой язык, без знания которого нельзя правильно прочитать художественный текст. Марина Цветаева отмечает своеобразие литературы как искусства слова: «*А что есть чтение - как не разгадывание, извлечение тайного, оставшегося за строками, за пределами слов*». Любое слово, попададая в художественный текст, может стать художественно-образным, эстетически значимым. Однако анализируя слова, необходимо соблюдать исторический подход к слову, рассматривать смысловую наполненность слов.

* - Богданов В. А. *Лабиринт сцеплений*. - М., 1986. - С. 4.

** - *Литературное наследство*, 1960. - Т. 68. - С. 875.

*** - *Виноградов В. В. О языке художественной литературы*. - М. 1959. - С. 231.

А. Васильева, Е. Ермолова, О. Корзун,
Т. Кохна, А. Осипова, С. Павлович,
Н. Толстая, Т. Шалесная, Т. Шаркевич

Научный руководитель - В.И. Самусенко ФОРМЫ РАСКРЫТИЯ СУЩНОСТИ ГЕРОЯ И СРЕДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧЕХОВА

Т. Кохна, гр.31

ДЕТАЛИ-ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕХОВСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Герои Чехова, как правило, делятся на два вида:

- люди, имеющие идеал, желающие вырваться из повседневной рутины, мечтающие о другой жизни;
- люди, которые, если сначала и имеют какие-то возвышенные цели, всё равно постепенно погружаются в быт, материальное у них начинает преобладать над духовным.

Почти всегда такая деталь, как полнота, вводимая писателем, является признаком подобной деградации персонажей второй группы: после замужества полнеет Душечка, Николай Иванович купил именье, послал крыжовник (предел мечтаний), «*обжился, кушал много, полнел*». «*Ох, не надо бы полнеть*», - говорит Старцев, отъезжая с несо-сто-вшегося на кладбище свидания. Но спустя четыре года он слышит: «*Кто вы пополнели*». А ещё через несколько лет автор говорит, что герой «*ещё больше пополнел, ожирел*» и стал называться Ионнычем.

В Душечке героиня - всегда эхо своих мужей, она постоянно повторяет их слова и мысли.

Николай Степанович («Скучная история») в молодости пишет признание в любви на бланке «История болезни». Впоследствии жизнь с этой женщиной делает его на самом деле большим, разочаровавшимся человеком.

Трёхкратное повторение отрывка из басни «...вороне где-то бог послал кусочек сыру...» звучит как намёк для художника о ниспосланной для него любви, которой он так нелепо лишился («Дом с мезонином»).

Душечка в ожидании мужа сравнивает себя с курицей, которая без петуха не спит всю ночь. Несмотря на явную любовную направлен-